
Новые социальные движения и их эволюция в сетевую эпоху*

© 2019 г. Р.Э. Бараш*, А.Ю. Антоновский**

* *Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, 117218, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп.5; Институт логики, когнитологии и развития личности, Москва, 129110, проспект Мира, д. 70а, стр. 2, 41.*

** *Институт философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, 119991, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4.*

*E-mail: raisabarash@gmail.com

**E-mail: antonovski@iph.ras.ru

Поступила 15.12.2018

Эволюционная трансформации активизма и протестной коммуникации, очевидно связанная со взрывным развитием интернет-сетей, существенно подорвала значительные теоретические достижения социальных наук в интерпретации этих новых форм коммуникации, закрыв от глаз наблюдателей внутренние механизмы и сделав по сути непредсказуемыми и непрогнозируемыми несетевые манифестации социально-сетевой активности. Возникла совершенно новая теоретическая проблема: сохраняет ли протестный активизм в его социально-сетевом проявлении инвариантные черты протеста как обособленной коммуникативной системы, получившей свое начало еще в 60-х годах прошлого века? Или же на наших глазах возникает принципиально новая форма коммуникации, существенно отличная, как от традиционных макросистем (политики, хозяйства, науки), так и от классических протеста и активизма?

Данная статья, с одной стороны, ставит проблему наблюдательной недоступности коммуникаций новых социальных движений в их сетевой форме, а с другой стороны, пытается решить эту проблему, высвечивая, по крайней мере, некоторые программные механизмы сетевой активности, предлагая ответ на вопрос о том, что же собой представляют эти сетевые новообразования с точки зрения современной системно-коммуникативной теории, каковы их функции и дисфункции для общества в целом, каковы их перспективы, рефлексивные, реактивные и проактивные¹ свойства и способности?

Ключевые слова: коллективные субъекты, социальные сети, протест.

DOI: 10.31857/S004287440005731-9

Цитирование: *Бараш Р.Э., Антоновский А. Ю.* Новые социальные движения и их эволюция в сетевую эпоху // Вопросы философии. 2019. № 7. С. 99–110.

---

*Подготовлено при поддержке Российского Научного Фонда (проект № 17-78-10238 «Новые формы общественной коммуникации и радикализм в условиях информационного общества. Системно-коммуникативный анализ»).

New Social Movements and their Evolution in the Network Age*

© 2019 г. Raisa E. Barash*, Alexander Yu. Antonovskiy**

* *Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Science, 24/35, korp. 5, Krzhizhanovskogo str., Moscow, 117218, Russian Federation; Institute of Logics, Cognitive Sciences and Personality Development, 70a/2, 41, Mira av., Moscow, 129110, Russian Federation.*

** *Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1, Gonchamnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation; Department of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, 27/4, Lomonosovskiy av. GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation.*

*E-mail: raisabarash@gmail.com

**E-mail: antonovski@iph.ras.ru

Received 15.12.2018

The evolutionary transformation of activism and protest communication, apparently related to the explosive development of Internet networks, significantly undermined the significant theoretical achievements of the social sciences in interpreting these new forms of communication. This evolution closed some internal mechanisms from the eyes of the observers and made the non-network manifestations of social networking activities unpredictable. A completely new theoretical problem arose: does protest activism in its social-network manifestation retain the invariant features of protest as a separate communicative system that emerged as early as the 1960s? Or does a fundamentally new form of communication arise, essentially different, both from traditional macrosystems (politics, economy, science), and from classical protest and activism?

This article, on the one hand, puts this problem of observant inaccessibility of communications of new social movements in their network form, and on the other hand, tries to solve this problem, highlighting at least some of the program mechanisms of network activity, offering an answer to the question of what are these network neoplasms from the point of view of the modern system-communicative theory, what are their functions and dysfunctions for society as a whole, what are their perspectives, reflexive, reactive and proactive properties and functions?

Key words: collective subjects, social networks, protest.

DOI: 10.31857/S004287440005731-9

Citation: Barash, Raisa Ed., Antonovskiy, Alexander Yu. (2019) "New Social Movements and their Evolution in the Network Age", *Voprosy Filosofii*, Vol. 7 (2019), pp. 99–110.

Введение (проблема, задачи, методы решения, подходы)

Протестные и радикальные движения формируют и заполняют собой новостную повестку если не федеральных российских СМИ, то, по крайней мере, событийное пространство интернета. Феминистский и экологический акционизм, антиглобализм и ЛГБТ-активизм, волонтерские движения в защиту животных и радикальные движения болельщиков реагируют практически на любое решение политического и хозяйственного истеблишмента, будь то строительство предприятия или федеральной трассы, открытие новой свалки или решение об ограничении прав усыновления. При

---

*The paper is supported by the Russian Scientific Foundation (the Project № 17-78-10238, New forms of social communication and radicalism in the informational society. System and communication analysis).

этом и политические элиты в своих решениях — негативно или позитивно — непременно учитывают возможные реакции и ожидания участников этих новых социальных движений или, что в отечественных условиях происходит чаще, — реакции, ожидания и предрассудки обывателей в отношении этих новых форм коммуникации. При этом новые формы коммуникации сегодня осуществляются преимущественно в электронно-сетевой форме. Это, помимо прочего, означает, что внутренние коммуникативные механизмы и процессы, программы и автономные источники «сетевой энергии» (возмущения, страхи, алармизм и т.д.), подпитывающие социально-сетевой активизм, непрозрачны для политиков и обывателя, не входящих в эти сетевые сообщества и не понимающих, как они устроены.

Результаты этой «темной активности» визуализируются исключительно в виде неожиданных коммуникативных сбоев в стандартных коммуникационных потоках — девиациях, конфликтах, протестных акциях, избирательном абсентеизме и т.д. При этом сетевой активизм функционирует, в сущности, как форма искусственного интеллекта (нетривиальная машина Х. фон Ферстера [Foerster 1997]), получая импульсы и реагируя на триггеры из не сетевой реальности (*input* в виде реакций на политические решения, экологическую ситуацию, страдания людей, связанные с их поражением в правах и эклудированностью из значимых сообществ) и производя — в качестве результата невидимых программно-сетевых исчислений — некий *output* в виде неожиданных для наблюдателя протестных акций.

Этот «несетевой» выхлоп принимает, с точки зрения внешних наблюдателей (традиционных СМИ, политики, ученых-обществоведов), самые экстравагантные формы и в этой экстравагантности в отечественных условиях, — как непонятое сообщение-запрос на контакт, — чаще всего отклоняется как форма девиантного поведения. Поэтому пока еще несетевое общество не способно прочесть, оценить информационное содержание и, как следствие, понять и акцептировать такое сообщение или запрос на контакт со стороны участников сетевых движений. В этом смысле новые социальные движения еще не обрели статуса полноценной коммуникативной системы, которые, — как наука, политика, хозяйство, искусство и религия, — хотя и коммуникативно обособлены вокруг своих обобщающих символических медиа (истины, власти, денег, прекрасного, веры и т.д.), но, тем не менее, являются коммуникативными системами *общества в целом*, а поэтому сохраняют способность коммуницировать не только *на внутрисистемном*, но и на *обще-общественном* уровне. Это значит, по меньшей мере некоторые из сообщений традиционных макро-систем понимаются, принимаются и канализируются в рамках других, структурно-сопряженных, систем. Поэтому политика «помогает», а экономика «оплачивает» нужды науки, искусства, образования и религии, а наука и образование коммуницируют с политикой и хозяйством как минимум на уровне формулирования своих системных запросов (например, в виде планирования собственных достижений, которые потом, в виде так называемого госзадания, возвращаются им обратно и т.д.)

Методы и подходы

Социально-философская и философско-историческая рефлексия этих новых форм социальности сталкивается с существенными трудностями, связанными с резким эволюционным сетевым скачком, который претерпели активистские и протестные формы коммуникации за последние десять лет. Эти движения постепенно кристаллизуются в 20-м веке, достигают акме в 60-х годах и непрерывно развиваются, оказывая политическое влияние, и, как казалось, принимают устойчивые коммуникативные формы, получающие весьма детальное (и до недавних пор казавшееся удовлетворительным) социально-теоретическое описание и философское осмысление в трудах ведущих теоретиков и даже «лидеров» соответствующих дисциплин. Казалось, что возникла и оформилась новая и функционально важная коммуникативная система с функцией «коррекции наблюдения» и *дефицита рефлексии*, свойственного традиционным коммуникативным макро системам (политики, хозяйства, технонауки и т.д.).² Эта общая идея «коррекции наблюдения» получает самые разные теоретические облачения.

Так, структурно-критический подход настаивает на функции вскрытия протестом структурных напряжений или противоречий, возникающих в обществе [Touraine, 1985; Laclau, Mouffe 1985; Offe, 1985]. В системно-коммуникативном подходе функция протеста усматривается в компенсации социальной дезинтеграции [Luhmann 1996; Бараш, Антоновский 2018^a, Antonovskiy 2017^a]. В депривационно-психологическом подходе функция новых социальных движений сводится к редукции психологических страданий, депрессий и деприваций, в свою очередь вызванных структурными проблемами общества. [Gurney, Tierney 1982]. В ресурсно-мобилизационном подходе активизм рассматривается как ресурс получения индивидуальной (или коллективной) «прибыли» или «полезности» в сравнении с издержками, связанными с участием в движении [McAdam, McCarthy, Zald 1996].

В то же время пока еще социальные сети не интерпретируются как (коллективные) субъекты нового типа, как аналоги некоего индивида, облеченного хотя бы некоторыми функциями сознания или рефлексии, т.е. способностью воспринимать сенсорные импульсы из внешнего (несетевого) мира, процессировать эти импульсы в своей квази нейронной сети и принимать решения, реализуя моторные функции в виде несетевой активности (митинги, электоральное поведение, акции и т.д.). То, что социальные сети могут интерпретироваться как своего рода «перцептроны», т.е. исчисляющие машины и формы искусственного интеллекта, представляется достаточно убедительным, но еще не образовало критической массы сторонников для пробуждения исследовательского интереса.

Мы далее рассмотрим новые социальные движения в их досетевых формах в контексте, с нашей точки зрения, наиболее теоретически-обоснованных и методологически выверенных интерпретаций, а именно в контексте так называемой *теории слабых стимулов* (основанной на теории рационального выбора) как наиболее близкой к нашему «программно-вычислительному» пониманию социальных сетей. Выделив концептуальное ядро этого понимания, сравним это с новейшими разработками интернет-сетевого анализа протеста, а потом предложим рабочую гипотезу, в которой представим общие черты модели функционирования сети как новой формы коммуникации, (1) меняющей социальную структуру современного общества и (2) меняющей методологию исследования социального времени и социального пространства, т.е. базисных условий определения исследовательского объекта – общества.

Неоутилитаристская модель «мягких стимулов» протестной активности

Идея «мягких стимулов» была разработана в рамках неоутилитаристского подхода (Дж. Коулман). Участник протеста понимается как рациональный актер, предпринимающий акт выбора как действие, в своей рациональности мало чем отличающегося от покупки дома, основания предприятия, выбора партнера в браке, голосования на выборах и другой «избирательной» активности. В целом этот подход базируется на трех гипотезах [Opp 1994]. (1) Мотивационная гипотеза указывает, что каждое действие дает те или иные предпочтения (сопряжено с полезным для действующего эффектом); (2) всякое действие сопряжено с затратой ресурсов и преодолением ограничений³; (3) всякое действие реализуется в результате исчисления издержек и максимизации прибыли. При этом в отличие от классического Номо *Economicus* в неоутилитаристском дискурсе вводится понятие «мягкого стимула» (*soft vs. hard incentives*)⁴.

Это позволяет решить «проблему невероятности» протестного действия в традиционном («жестком») понимании стремления к максимизации прибыли. Ведь протестную активность отличает статус «лоукостера» в сравнении с иными социальными действиями, сопряженными с гораздо более высокими рисками и издержками. Так, участие в протесте (конечно, в условиях демократических свобод), хотя, безусловно, и требует известных временных затрат и некоторых финансовых издержек (например, на изготовление агитационных материалов), все-таки они довольно низки (а участие в современном «диванно-сетевом» протесте еще больше их минимизирует). Однако и «профит», который получает индивид, выглядит исчезающе незначительным. Поэтому и мотивационная разница между субъективно-ощущаемой полезностью участия в протесте индивида и издержками

крайне незначительна. Поэтому стандартная схема объяснения рационального действующего Homo Economicus, казалось, не работает применительно к такого рода активностям.

Чтобы избежать этой трудности, ряд теоретиков (К.-D. Опп и др.) предложили истолковать понятие максимизации прибыли в некоем «слабом смысле», предполагающем нацеленность на состояние удовлетворенности от совершенных действий «ради другого». Эти действия «ради другого» давали бы малые, но тем не менее осязаемые формы gratification (общее социальное одобрение, позитивная оценка со стороны референтной группы, моральное самоудовлетворение от совершенного акта), а значит, в свою очередь, должны учитываться наравне с «жестко-стимулируемыми» действиями «ради финансовой прибыли», «избежания административных и уголовных наказаний» и т.д.).

В этом смысле уже в досетевой интерпретации протестной активности наметились попытки выявить ее «альтро-эгоистический характер». Ориентир «действую ради другого» выступает внутренней медиальной функцией этой активности как эрзац отсутствующего у протеста генерализированного символического медиа коммуникации (аналога *власти* в политических коммуникациях, *денег* в коммуникациях экономических и т.д.). Так, парадоксальным образом коммуникативная замкнутость (самореферентность и, соответственно, принципы инклюзии в сообщество) протестующего сообщества обосновывается инореферентно [Луман 2017].

И в этом протест очень похож на систему научных коммуникаций. Ведь и наука рассматривает свой внешний мир (объект теоретизации) как ресурс самолегитимации, как ссылка на внешний объект (включая общество, классы, группы в социальных науках), как на нечто, не допускающее манипуляций, но требующее «объективистской» установки (М. Вебер), а значит, обеспечивающий помимо «свободы от оценки» еще и «свободу от политики и хозяйства», которые, по мнению науки, не должны заставить её изменять свой научный взгляд на предмет по своему желанию. Именно этот инореферентный полюс научной коммуникации делает возможным замыкание (как следствие — автономию!) научных коммуникаций. В обоих случаях (и в протесте, и в науке) *самореференция стилизуется под инореференцию*. И этим означенные типы коммуникации получают дополнительный потенциал сопротивления в конкуренции и борьбе за внимание и общественные ресурсы с другими коммуникативными сообществами [Антоновский 2017].

Всякий ученый как бы обговаривает право (выраженное во внешних социальных ожиданиях со стороны других систем) на прямолинейность и неполиткорректность (в социальном измерении) в формулировании своих критических соображений [Шлейермахер 2018] и не ожидает ответной эскалации (как со стороны критикуемых коллег, так и со стороны критикуемых сообществ), поскольку истина (символизирующая объективное знание мира) постулируется как нечто более ценное «травмируемых чувств другого» [Antonovskiy 2017^b]. Но ведь и протестная система легитимирует свой конфликтогенерирующий потенциал (готовность пожертвовать консенсусным значением протестной акции в социальном измерении и отказаться от принятых конвенций и консенсуса), поскольку доминирующим в коммуникативном пространстве протеста (как и в науке) оказывается *предметно-тематическое измерение* (ведь речь-де не идет о собственных интересах участников протеста, их интересует «страдание другого, поражение в правах и эксклюированность из сообществ»). Так, протестная система обеспечивает самолегитимацию через «жесткие стимулы для другого — мягкие стимулы для себя».

В этих условиях любая подстановка «эго-карьерного мотива» участнику социального движения встретит убедительное возражение, что и протестные карьеры делаются «ради других»⁵. Протестная система возвращает в общество ценность «для другого» как «мягкий стимул», как тонкий *plaisir*, т.е. как нечто, допускающее личное удовлетворение от морально-позитивного поступка (что противоречит ригоризму кантовской этики), но настолько тонкое, что может быть сопоставлено не столько с этическим, сколько — с гораздо более разрешенным — эстетическим наслаждением от своей «благотворительности».

Критика подхода

Безусловно, главным теоретическим возражением против неутилитаристской реконструкции протестной мотивации является «субъективность ментального состояния»

протестующего. Эта дескриптивно-теоретическая трудность одновременно являлась не просто «познавательным ограничением» для ученых, не способных проникнуть в сознание протестующего индивида, но характеризовало и незрелость самого протестного активизма в его досетевых формах. Субъективное состояние возмущения (в силу его сингулярности и кратковременности, а также системно-процессуального характера всех психических переживаний, непрерывно замещающих друг друга, и, как следствие, утрачивающих интенсивность) не могло фиксироваться прежде всего самими участниками протеста. Возмущение, замкнутое в сознании и лишь время от времени выраженное коммуникативно, не могло длиться долго и выказывать устойчивые инвариантные характеристики.

Именно эта слабость мотивировочной составляющей протеста получила компенсацию в ходе его социально-сетевой трансформации. В этом смысле неопутилитаристский выглядел неадекватным именно в силу незрелости самих все еще формирующихся новых социальных движений. Отсюда все критические возражения против теории рациональной калькуляции, столкнувшейся со следующими проблемами.

(1) Проблема тавтологии: массовое участие в социальных движениях, мотивированное мягкими стимулами, – движение объясняют усилением альтруистической мотивации. Между тем усиление альтруизма в обществе, в свою очередь, объясняется ростом влияния соответствующих движений.

(2) Проблема измерения: мягкие стимулы не могут быть легко количественно измерены и качественно определены. Их приходится вводить в теорию (как «скрытые качества», как переменные, которые не имеют непосредственного коррелята в наблюдаемой реальности). А это, в свою очередь, приводит к произвольности в реконструкциях практики калькуляции бенефитов и «вознаграждающих контекстов» (ожиданий, морального и социального одобрения, не обнаруживающих интересубъективно-удостоверенной количественной меры⁶).

(3) Проблема субъективной калькуляции вероятности санкций: тот, кто решается на протестную акцию, не имеет объективной картины вероятности санкций, а значит, его калькуляции издержек (санкций) и бенефитов, не является адекватной.

(4) Проблема недостоверного будущего: участники не информированы о фактических предпосылках и возможных исходах их действия («состояние знания» переоценивается в неоклассической экономической теории) и вынуждены калькулировать в условиях высокой неопределенности исходов своего действия и высокой познавательной неопределенности состояний окружающего мира.

Несмотря на объяснительную силу теории мягких стимулов и основанную на ней реконструкцию рационального выбора, осуществляемого участником протестной акции, разработчики теории не решили главную проблему: необъяснимость процедуры *согласования единого коллективного действия* в условиях отсутствия центральной (формальной) организации и (или) центральной фигуры харизматического лидера.

Системно-коммуникационная теория сетевого протеста (от «запросов на контакт» к «запросам на трансляцию информации»)

Участник социально-сетевого протеста представлен в сети своей функцией *транслятора/перекрывателя* информационных потоков и в этом смысле непрерывно стоит перед выбором: канализировать ли информацию дальше или остановиться в ее трансляции. Конечно, и в сетевых обсуждениях действователи время от времени принимают коммуникативные решения о том, сообщать, хранить или предавать забвению полученные сообщения. Однако в сетевой реальности этих «клапанов» (лайк/дизлайк, комментировать/не комментировать, поделиться/не поделиться, ответить/не отвечать на приглашение и т.д.) не просто становится количественно больше. Этот выбор актуализируется беспрестанно при каждом вхождении в социальную сеть и его невозможно избежать.

При этом и объем традиционных «запросов на контакт» в сетевой реальности несопоставимо выше числа запросов на контакт в несетевой реальности,⁷ где избыточное количество интерактивности словно компенсируется необязательностью строгого соответствия социальным ожиданиям. С одной стороны, сетевые запросы на

контакт в гораздо меньшей степени ангажируют на продолжение сетевого общения (и отклонение такого запроса не сильно «ранит» его отправителя). Поэтому такого рода запросам принято прощать известную навязчивость в «предложении дружбы»). Они напоминают цифровой шум, но, с другой стороны, все-таки требуют постоянных откликов, решений, активности, принятия главного решения – послужить ли последней точкой в трансляции некоторого сообщения или стать своего рода *модемом* (модулятором-демодулятором) в процессе ретрансляции, диффузии и разветвления полученных сообщений⁸.

Коммуникативная практика протеста, алгоритмы протестной коммуникации

Сандра Гонсалес-Баилона, Нинг Ван [González-Bailón, Wang 2016], используя оригинальную методологию сетевого анализа протеста, реконструируют генезис и генеративную связь движения «Occupy Wall-Street» и испанского движения «Indignados»⁹. Авторы прослеживают историю движения *Indignados*, возникшего в ответ на события так называемой «арабской весны», при том что фактически (двойная каузация!)¹⁰ это движение явилось реакцией на антикризисные меры испанского правительства. Данный протест вызревал довольно долго, образуя «комплексную историю» слияний и поглощений, постепенного объединения на общей платформе Фейсбука и Твиттера множества отдельных блогов и форумов, кампаний (флэшмобов и т.д.), НКО. После того как в процессе обсуждения протестных тем (прежде всего правительственных антикризисных мер) на базе этих соцсетей сформировались «мускулы будущего движения», 15 мая – как будто из ниоткуда – раздался призыв к выступлению, тотчас же поддержанный тысячами участниками обсуждений и сотнями НКО.

«После демонстрации часть протестующих решила создать палаточный лагерь (реализуя т.н. тактику *Asampados* испанских на главных площадях и ожидать там муниципальных выборов (22 мая). В течение недели *видимость* движения в мейнстримных медиа и онлайн-активность росли экспоненциально. Настал день выборов, и движение начало затихать, палаточный лагерь разобрали, и социальные сети вошли в спящую фазу» [González-Bailón, Wang 2016, 98].

Итак, протест «заснул», чтобы быть разбуженными теми, кого он и сам пробудил ото сна (рекурсивность протестной системы). Канадский «активистский» журнал *Adbusters* в июле 2011 г. провозглашает лозунг «Захвати Уолл-Стрит», пытаясь реализовать идею и тактику Египетского восстания (Захвата площади Тахира) и испанскую тактику *Asampados*. Именно тогда возникают хэштег «Захвати-Уолл-Стрит» и знаменитая балерина на спине атакующего быка.

Движение «Захвати Уолл-Стрит», по мнению исследователей [González-Bailón, Wang 2016, 99], – это первое *генетически-сетевое* движение, качественно отличное от прочих движений, имевших «несетевое происхождение» («Индигнадос»), и «оркестрируемое новостными СМИ». Когда к организации несетевых акций протеста подключились нью-йоркские анархисты и другие радикальные группы, движение «Захвати Уолл-Стрит», получившее свой импульс *внутри сети*, начинает стремительную консолидацию.

Именно здесь приобретает ключевое значение новая сетевая роль – фигура «инфоброкера», который берет на себя функцию информационной диффузии и связывания локальных сообществ (в данном случае «Indignados» и «Occupy»). Таким координирующим институтом стал «хактивист» (хакер-активист) «Анонимус», взявший на себя функцию координации онлайн-активности обоих сообществ. Однако движение бурлило в социальных сетях, не выливаясь в несетевые формы, вплоть до жестокой силовой реакции со стороны полиции и массовых арестов в ответ на марш по Бруклинскому мосту 1 октября. Именно после этого движение приобретает массовое несетевое выражение, а затем вновь засыпает¹¹.

Здесь проявляется общая схема или программа, которую «выучила» и использует «социальная сетевая машина» (что многократно реализовывалась на Майдане и в российском протесте). Сетевое обсуждение, являющееся следствием координирующих сообщений сетевых инфоброkers, приводит к спонтанной несетевой акции некоторой некритической массы участников сетевого протеста. Поскольку на такого

рода акцию (Event), как правило, регистрируется онлайн больше, чем собирается прийти (ведь «объявление о намерении» в сети ни к чему не обязывает»), эта спонтанная акция вызывает гипертрофированную силовую реакцию со стороны властей. Последующее сетевое возмущение и обсуждение действий силовых органов приводит к резкому увеличению протестующих на улицах до критической массы (вспомним воскресные выходы на Майдан), в результате чего — как результат обратной связи — полиция вынуждена реагировать локально (лишь сопровождать и наблюдать).

Как следствие, формируется основной алгоритм социально-сетевой программы: «если протест представлен несетевым локальным событием, следует глобальный силовой ответ; если же как реакция на этот ответ — протест приобретает глобальный размах, следует локальный силовой ответ». Отсюда вытекает несложная реакция или требование: действуй локально на восходящей стадии протестной синусоиды; действуй глобально на нисходящей стадии протестной синусоиды.

Но от чего зависит интенсивность протеста (= интенсивность диффузии информации о несетевых событиях (акциях) и результирующее поведение участников движения)? Всякая сеть (по аналогии с электрической цепью) характеризуется некоей «мерой проводимости»¹² протестной сети и соответствующей легкостью или затрудненностью диффузии протестной информации. И эта переменная, в свою очередь, зависит от действий инфо брокера по «обнаружению сообществ» и результирующей способности сообществ смыкаться друг с другом. Это смыкание достигает максимума, когда число и интенсивность внутренних сообщений оказывается сравнимым с числом сообщений участников сообщества участникам других сетевых сообществ (если число данных сообщений растет, то «края» групп сливаются). Исследования показали, что для запуска второго этапа протеста было достаточно 6,5 процентов всех пользователей (выступивших инфоброкерами) из числа авторов протестных сообщений, отмеченных хэштегами «Захвати Уолл-Стрит», которые послали, по крайней мере, одно сообщение адресатам обеих групп (Индигнадос и Оккупай). Это обеспечило достаточное *перекрытие структурных разрывов между сообществами*, чтобы начался новый восходящий этап протестной активности¹³.

Понятие инфо брокера — функции

Понятие *сетевого информационного брокера* указывает на специфическую функцию трансформации сетевого напряжения. Он замыкает на себя множество информационных каналов, придавая сетевым и несетевым событиям *большой или меньший вес* или потенциал. Уже здесь мы сталкиваемся с неким аналогом нейронов в искусственных или естественных нейронных сетях и синаптических связей между ними.

Величина этого «придаваемого веса» может быть значительной, даже если инфоброкер сам имеет незначительный авторитет (собственный вес), в том случае, если он имеет большое число «авторитетных друзей». Он может придавать большой вес транслируемому сообщению и в том случае, если сам имеет мало сетевых друзей, но обладает «большим собственным весом» (если является, например, публичной фигурой в несетевом мире), или если его немногочисленные друзья сами обладают влиянием в сетевом или несетевом пространстве.

Означенное обстоятельство показывает, что «энергия возбуждения», которая обеспечивает диффузию информации, зависит не столько от собственного веса самого «несетевого фактора» (политического решения, экологической ситуации, «возмутительного» гендерно-релевантного события и т.д.), обсуждаемого в сети, сколько от «автономной ситуации» и актуального внимания и диспозиций «сетевого инфо брокера».

Отсюда вытекает связанная с вышеозначенным обстоятельством функция инфоброкера — преодоления «структурных разрывов» между сообществами в «сетевой ткани». Подобно тому, как на бирже брокер торгует акциями разных компаний и связывает сообщества продавцов и покупателей, в этом смысле находясь в поиске взаимориентированных сообществ, так и сетевой инфо брокер связывает группы, которые сами без него не были бы информационно-связанными. Он находится в поиске (что вовсе не является его сознательной целью) «протестующих сообществ» (= особо

восприимчивых к социальным и моральным обязательствам, к травмирующим событиям и страданиям других).

Дополнительным понятию инфо брокера оказывается понятие «внутренней плотности» сетевого пространства, но лучше сказать, «внутреннего сопротивления», обозначающее переменную, которая в своих предельных значениях характеризует регионы, в которых диффузия информации либо останавливается, либо меняет направление, либо меняет содержание. Именно здесь требуются инфо брокеры, чтобы, во-первых, усиливать сигнал, или распространять его широко, в надежде, что он встретит других «влиятельных» брокеров в условиях структурно-разорванных сообществ¹⁴. Эти зоны структурных разрывов могут быть преодолены, через инфоброкеров, которые, контактируя с другими различными сообществами (или другими брокерами), выстраивают «коммуникативные мосты» в океане пассивной массы участников протеста.

Заключение и выводы

1. *Инфо брокеры – новая социальная структура*

Но кто такие эти структурные брокеры? Составляют ли собой они некую новую элиту (или забытую старую?). Замещаются ли их позиции индивидами, или сами они достигают успеха, если представлены организационно (ФБК, Новая Газета, Эхо Москвы)? И можно ли понимать под ними инстанции, назовем их структурными супер-брокерами, которые соединяют не только «онлайн-сообщества», но имеют вес в офлайн-структурах, прежде всего занимают ключевые позиции в коммуникативных макро системах. Примером таких супер-брокеров является Б. Акунин, ведущий протестный блог и одновременно имеющий влияние в секторе развлечений коммуникативной системы масс-медиа¹⁵.

2. *Системно-коммуникативная методология реконструкции протеста*

Тем самым могут быть описаны два паттерна распространения информации, объясняющие флуктуации и синусоидный характер протестной (сетевой и вне сетевой) активности. С одной стороны, может актуализироваться «широкополостное» общение сообществ, когда акцептация и трансляция информации осуществляются в зонах с малым сопротивлением (и большой сетевой «плотностью населения») в условиях высоко вероятного смыкания сетевых сообществ, где члены одних коммуницируют с другими или входят сразу в несколько различных протестных или волонтерских сообществ). Такая диффузия в этих условиях, собственно, и является *сетевой мобилизацией* протеста. С другой стороны, диффузия информации может осуществляться в условиях высокого «сетевого сопротивления», через большие пространства посредством узких мостов, создаваемых инфо брокерами.

Теперь можно сформулировать гипотезу синусоидного характера протеста. Во время верхних пиков-экстремумов (на восходящей фазе) протеста реализуется первая структура (смыкания сетевых сообществ друг с другом, в ходе которого члены сообществ активно участвуют в обсуждении протестной темы, одновременно входя в несколько групп и или посылая сообщения участникам других групп)¹⁶. На второй нисходящей фазе протеста реализуется вторая структура, где протестное обсуждение и связь между обособленными сетевыми сообществами поддерживается инфо брокерами.

На первой стадии фиксируется резкое увеличение сообщений, что делает возможным связь сообществ друг с другом. Используя метафору искусственного интеллекта, можно сказать, что кристаллизуются новые нейронные связи между сообществами (группы студентов, активистов, волонтеров, группы по интересам и т.д.) и пробуждаются «спящие связи». Люди, состоящие в «Вконтакте», «Фейсбуке», Твиттере, но редко использовавшие сетевые формы общения, теперь получают больше запросов и лезут в «Забытые сети» в поисках информации. В ситуации репрессий или затухания протеста поведение сети меняется. Группы вновь сжимаются (по составу участников и объему внутренних и внешних сообщений участников), сетевой обмен между сообществами уменьшается. И в этот момент протестная информация транслируется инфо брокерами, поддерживая состояние протеста в полу спящем, но всегда готовом к пробуждению состоянии.

Примечания

¹ Реактивные – в смысле способности реагировать на общественные проблемы, проактивные – в смысле способности генерировать общественные проблемы.

² Последние, будучи коммуникативно-замкнутыми наблюдателями первого порядка, не способны-де выйти из ограничений, накладываемых «слепым пятном» их наблюдательных инструментов. Ведь политика рефлексивует внешний мир исключительно в перспективе *максимизации/минимизации*, власти и в этом смысле в каждом коллективно-обязательном решении в гораздо большем объеме учитываются внутренние (самореферентность!) политические резоны (т.е. ранее принятые решения, ожидания и директивы вышестоящих инстанций, карьерные перспективы самих политических акторов), нежели инореферентные обстоятельства (экоситуация и чувства граждан). Протест в этом смысле, напротив, привлекает внимание и придает *вес* как раз инореферентным резонам и тем самым корректирует наблюдательную ограниченность политической системы. Конечно, это не означает, что и у протестной коммуникации отсутствуют собственные наблюдательные ограничения, проистекающие из его собственного «слепого пятна». Ведь протест сосредоточен на генерации «страхов» и алармизма, не способен предложить альтернативу отклоняемой реальности (атомной или углеводородной энергетики, представительной демократии, неравномерному распределению национального дохода, глобальной экономике и т.д.) [Бараш, Антоновский 2018].

³ Цены, права, доходы, нормы, ценности – вот простые примеры полезных ресурсов и издержек-ограничений при калькуляции и выборе действия.

⁴ «Несмотря на то, что монах предпринимает усилия, прежде всего ради Спасения других, тем самым, все-таки он максимизирует свою собственную пользу в том смысле, что ощущает счастье или удовлетворение, помогая другим» [Opp 1994, 13].

⁵ И прочие коммуникативные системы пытались использовать эту семантику «для другого». Политика прикрывалась «общественным благом», экономика оправдывалась «предложением лучшего продукта» как результата экономической конкуренции. Но в «индивидуалистическом обществе» эта семантика не была акцептирована, поскольку в качестве обоснования приходилось ссылаться на «высокие абстракции», на сложный и необъяснимый процесс трансформации «невидимой рукой» результатов эгоистического действия в коллективное благо. Но, главное, и политика, и хозяйство в отличие от протеста и науки всегда калькулировали собственную прибыль в терминах жестких (прежде всего финансовых) стимулов, что в условиях дефицита «коллективных благ» не могло получить всеобщего одобрения.

⁶ Этого критического аргумента можно прежде всего ожидать от главного конкурента протестной системы – системы политических коммуникаций. Наблюдателю (прежде всего ученому, но также и политике) проще (как это имеет место в неоклассической социальной теории) не учитывать такого рода «ненаблюдаемые» «мягкие стимулы», а реконструировать калькуляцию участников протеста, приписывая ему мотивацию «жесткими стимулами», т.е. финансовыми и иными материальными благами. Именно так поступает политика, когда, будучи определенной в своих наблюдениях своим «слепым пятном», и в действиях протестующих усматривает исключительно «жесткие стимулы» (финансовый подкуп, властные распоряжения из иных, например зарубежных политических центров, собственные властные амбиции со стороны протестующих и т.д.). В этом смысле политика как самореферентная и внутренне-замкнутая коммуникативная система видит в протесте отражение самой себя. В российских условиях, где де-факто экономические медиа определяют политические решения, «жесткие» экономические мотивации, в свою очередь, приписываются и протесту.

⁷ При этом, безусловно, несетевые запросы гораздо более притязательны, рискованны (в силу возможности их отклонения), имеют существенно более долговременные коммуникативные последствия и накладывают гораздо больше ответственности как на посылающего сообщение, так и на принимающую сторону.

⁸ Мы используем первоначальную семантику *модема* (модуляции-демодуляции), поскольку всякая трансляция сообщений предполагает ее декодирование сознанием, превращение в некое личное переживание, и затем – возвращение (зачастую в переоформленном виде) в коммуникативный поток в виде перекодированного текстового сообщения. В сетевом общении, очевидно, сохраняется вся классическая архитектура теории коммуникации [Луман 2011], построенная на реконструкции *несетевого* общения: модуляция и демодуляция посредством кодирования коммуникации при помощи дистинкций: *сообщение/информация, понимание/непонимание, акцептация/непрятие*, и, наконец, финальная *трансляция/остановка*.

⁹ Ситуация весьма напоминает ситуацию в общественном протесте, когда самые разные сообщества (либералы, левые и националисты, и т.д.) на горизонтальном уровне, т.е. через связи сообществ в «Фэйсбуке» и «Вконтакте», смогли объединить протестные усилия без специальных формальных соглашений их организаторов во время российских протестных акций конца 2011–2012 гг.

¹⁰ И в России мы видим подобную двойную каузацию протестного движения как реакцию на фальсификацию думских выборов и одновременно как реакцию студенческого движения на

события за рубежом; хэштеги «Оккупай Абай», «Верни себе город», очевидно, отсылают к соответствующему движению в Европе и США.

¹¹ Новый виток пробуждения «спящего протеста» был связан с новым лозунгом "United for global Change" и представлял собой «исключительно внутри сетевой протест». Внезапно в течение месяца в социальных сетях регистрируется полмиллиона сообщений с хэштегом «Occupy Wall-Street».

¹² Методологию измерения «меры сетевой проводимости» и вытекающую «плотности протестной активности» см. [Rosvall and Bergstrom, 2008];

¹³ Перспективы изучения протеста в России, прежде всего возможности, предсказание протеста, предполагает этот учет параметра плотности сетей и структурной обособленности протестных групп. Как только протестные движения (Архнадзор, либеральная оппозиция, протест в науке, движение Навального, феминизм, ЛГБТ, националисты, болельщики и т.д.) начнут утрачивать структурную обособленность благодаря активности такого рода инфо брокеров, это и будет первым и главным индикатором эскалации несетевого протеста.

¹⁴ Можно метафорически сравнить это со слабозаселенной территорией, где некоторые поселения выстраивают башни, с вершин которых можно транслировать сигнал, преодолевающих большие пространства (дым, свет или свист), и связывают сообщества.

¹⁵ Другими примерами структурных инфо брокеров, которых читают, упоминают, транслируют и одобряют представители самых разных сообществ, являются критик Дмитрий Быков, актриса Лия Ахеджакова, поэт Всеволод Емелин, протоиерей Андрей Кураев. При этом не имеет существенного значения, занимают ли они консервативную и провластную, либеральную, активистскую или протестную позицию. Важно, чтобы они реализовывали функцию специализации на перекрывании структурных разрывов между сообществами (сетевыми, сетевыми и внесетевыми), а также функцию «структурных сопряжений» между традиционными коммуникативными макросистемами (политическими, научной, образовательной, массмедийной, религиозной и новой «протестно-активистской» коммуникативной системы, – безотносительно того, критикуют ли они протест или поддерживают власть. Примерами такого рода «нейтральных» структурных инфоброкеров являются социолог А.В. Филиппов, философ В.В. Миронов, журналист В.Т. Третьяков.

¹⁶ Такова была сетевая реакция на думские выборы 2011 г., когда несколько сообщений (в основном, видео фиксации манипуляций на избирательных участках и неожиданно высокие показатели Единой России) спровоцировали взрывное обсуждение и массовый выход на митинг 10 декабря.

Источники – Primary Sources

Gurney, Joan N., Tierney, Kathleen J. (1982) "Relative Deprivation and Social Movements: A Critical Look at Twenty Years of Theory and Research", *The Sociological Quarterly*, Iss. 23 (1982), pp. 33–47.

Laclau, Ernesto, Mouffe Chantal (1985) *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical and Democratic Politics*. Verso, London.

Offe, Claus (1985) "New Social Movements: Challenging the Boundaries of Institutional Politics", *Social Research*, Vol. 52, Iss. 4 (1985), pp. 817–867.

Touraine, Alain (1985) "An Introduction to the Study of Social Movements", *Social Research*, Vol. 52, Iss. 4 (1985), pp. 749–787.

Ссылки – References in Russian

Антоновский 2017 – Антоновский А.Ю. Наука как общественная подсистема. Никлас Луман о механизмах социальной эволюции знания и истины // Вопросы философии. 2017. С. 158–171.

Бараш, Антоновский 2018^a – Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю. Радикальная наука. Способны ли ученые на общественный протест // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 56. № 2. С. 18–33.

Бараш, Антоновский 2018^b – Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю. Коммуникативная философия радикального протеста. // Вопросы философии. 2018. № 9. С. 27–38.

Луман 2011 – Луман Н. Общество общества. М.: Логос, 2011.

Луман 2017 – Луман Н. Эволюция науки (перевод с немецкого) // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 52. № 2. С. 215–233.

Шлейермахер 2018 – Шлейермахер Ф. Из сочинения «Нечаянные мысли о духе немецких университетов» // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 1. С. 215–235.

References

Antonovskiy, Alexander Yu. (2017^a) "Technologies of the Electoral Process: A Field Study of the Possibility of Informative Communication", *Russian Studies in Philosophy*, Vol. 55, Iss. 1 (2017), pp. 37–48 (in Russian).

- Antonovskiy, Alexander Yu. (2017^b) “Social Philosophy of Science as the Guardian of the 'Incarnation of Truth in the World'”, *Epistemology & Philosophy of Science*, Vol. 51, Iss. 1 (2017), The Communicative Philosophy of Radical Protest pp. 68–75 (in Russian).
- Antonovskiy, Alexander Yu. (2017) “Science as a Social Subsystem. Niklas Luhmann about Mechanisms of Social Evolution of Knowledge and Truth”, *Voprosy Filosofii*, Iss. 7 (2017), pp 158–171 (in Russian).
- Barash, Raisa E., Antonovskiy, Alexander Yu. (2018) Radical Science. Are the Scientists Capable of Social Protest?, *Epistemology & Philosophy of Science*, Vol. 56, Iss. 2 (2018), pp. 18–33 (in Russian).
- Barash, Raisa E., Antonovskiy, Alexander Yu. (2018) “The Communicative Philosophy of Radical Protest”, *Voprosy filosofii*, Vol. 9 (2018), pp. 27–38 (in Russian).
- Foerster, Heinz v. (1997) *Wissen und Gewissen. Versuch einer Brücke*, Suhrkamp, Frankfurt am Main.
- González-Bailón, Sandra., Wang, Ning (2016) “Networked Discontent: The Anatomy of Protest Campaigns in Social Media”, *Social Networks*, Iss. 44 (2016), pp. 95–104.
- Luhmann, Niklas (1993) “Evolution der Wissenschaft“, *Wissenschaft der Gesellschaft*, Suhrkamp, Frankfurt am Main, pp. 549–616 (Russian translation).
- Luhmann, Niklas (1996) *Protest. Systemtheorie und soziale Bewegungen*, Suhrkamp, Frankfurt am Main.
- Luhmann, Niklas (1997) *Die Gesellschaft der Gesellschaft*, Suhrkamp, Frankfurt am Main (Russian translation).
- McAdam, Doug, McCarthy, John D., Zald, Mayer N. (1996) “Comparative Perspectives on Social Movements: Political Opportunities, Mobilizing Structure and die Soziologie sozialer Bewegungen”, *Neue Soziale Bewegungen*, Iss. 2 (1994), pp. 11–27.
- Opp, Karl-Dietrich (1994) “Der 'Rational Choice'-Ansatz und die Soziologie sozialer Bewegungen“, *Neue Soziale Bewegungen*, Iss. 2 (1994), pp. 11–27.
- Rosvall, Martin, Bergstrom, Carl T. (2008) “Maps of Random Walks on Complex Networks Reveal Community Structure”, *Proceedings of the National Academy of Science of USA*, Vol. 105, Iss. 4 (2008), pp. 1118–1123.
- Schleiermacher, Friedrich (2018) Fragment from «Gelegentliche Gedanken über Universitäten in deutschen Sinn», *Epistemology & Philosophy of Science*, Vol. 55, Iss. 1 (2018), pp. 215–235 (Russian translation).

Сведения об авторе

БАРАШ Раиса Эдуардовна –

Кандидат политических наук, старший научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, научный сотрудник Института логики, когнитологии и развития личности.

АНТОНОВСКИЙ Александр Юрьевич –

Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доцент философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Author's information

BARASH Raisa E.–

CSc in Political Sciences, senior researcher at Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS at Institute of Logics, Cognitive Sciences and Personality Development.

ANTONOVSKIY Alexander Yu.–

DSc in Philosophy, leading research fellow at Institute of Philosophy of the Russian Academy of Science, associate professor at the Department of Philosophy of the Moscow State Lomonosov University.